
У РАЗВАЛИН ВАВИЛОНА (размышления христианина о вожде, мавзолее и коммунизме)

Т.Б. Коваль

Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно - идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные "высшие" идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают.

(Ф. Достоевский.)

Неожиданно возникшая проблема захоронения тела В. Ленина, во многом связанная с политической конъюнктурой, обсуждается сейчас с различных позиций. Наряду с политологическим, юридическим, медицинским и другими подходами возможен также и религиозный. В данной статье я предлагаю сосредоточиться на вопросе о символическом и религиозно-философском значении мавзолея и находящегося там тела. На чем основывается стремление помещать тела вождей в мавзолей и хранить их там вечно? Что символизирует сам мавзолей и его архитектурная форма? Что означает поклонение мумифицированному телу Ленина как самой главной святыне? Как вписывается желание обессмертить тело вождя в общую структуру коммунистического мировоззрения, отрицающего бессмертие души? Отправной точкой в моих рассуждениях будет взгляд на коммунистическое, марксистско-ленинское учение как на "квази-религию", а на коммунистическое сознание как на сознание религиозное.

Коммунизм как "религия".

Мысль о том, что коммунизм является не чем иным как своего рода религией, хотя и весьма своеобразной, была высказана уже при его рождении. В России ее развивали, с одной стороны, некоторые из марксистов - "богоискатели" и "богостроители, а с другой - религиозные философы, и, прежде всего Н.Бердяев и С.Булгаков, сами прошедшие через увлечение марксизмом(1). "Марксизм-коммунизм - религиозная секта, для которой главное не благосостояние рабочих, а исповедание истинной веры" - писал Н.Бердяев. Далее философ уточнил, что сила воздействия коммунизма - в его религиозной природе: "Причина исключительного динамизма и действенности

марксизма-коммунизма та, что он носит в себе все черты религии. Научная теория и политическая практика не могли бы играть такой роли"(2).

Почему вопреки утверждению самих коммунистов о "строго научном" характере их учения и всей его антирелигиозности коммунизм все-таки можно считать религий? Казалось бы, сам факт того, что марксизм-ленинизм отрицал существование высшего по отношению к человеку начала и "иного" плана жизни, препятствует такому определению. Тем более, что бытие отождествляется им с бытием материальным, и, как говорил К.Маркс, вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственно действительный мир.

Материалистический характер коммунизма, воинствующий атеизм и антирелигиозность, его "научный" характер - все эти аргументы много раз приводились самими марксистами в опровержение идеи о религиозном характере их доктрины. Однако, если под религией подразумевать не только веру в Бога или "иное" высшее бытие, но и, пользуясь выражением Э.Фромма, веру в любую систему взглядов и действий, которой придерживается какая-либо группа людей и которая служит индивиду схемой ориентации и объектом поклонения, то коммунизм как раз и был такого рода религией. В отличие от всех остальных религий он не только не стремился установить связь с высшим началом бытия (чем бы и как бы это начало не представлялось), но отрицал само существование высшего начала. Он был религией, исповедующей материализм и атеизм, религией без Бога, своего рода "антиверой", отрицающей высшее начало жизни и бессмертие (3).

Показательно в этом отношении, что к определению религии Э.Фромма очень близко определение коммунизма как религии, данное одним из сподвижников Ленина А.Луначарским. Коммунизм для него "Новая религия" не только по содержанию, но и "в надежде на победу, в стремлении, в напряжении сил". Хотя она и не дает гарантий торжества добра, "но я полагаю, что без бога и без гарантий, - маски того же бога, - она остается религией" (4).

Так же как религия, коммунизм представляет целостное мирозерцание, связывает ум и сердце, убеждения и поступки. В марксистско-ленинской литературе всегда подчеркивалось, что Маркс, Энгельс, Ленин создали цельное мировоззрение, что марксизм-ленинизм "мировоззрение" пролетариата. Представляясь истиной в последней инстанции, коммунизм как религия, притязающая на абсолютность, не знает нейтральных, индифферентных для себя областей. Он не ограничивается какими-то определенными областями, как обычно это делает наука, но подобно религии охватывает все сферы жизни. У него было свое представление о смысле жизни, свое понимание высших целей и ценностей. И эти представления он не просто "предлагает", но навязывает, не принимая диалога, а тем более критики. Как религиозные фундаменталисты коммунисты претендуют на влияние на все без исключения аспекты жизни человека и общества, на определение жизни с рождения до смерти.

Подобно религии коммунизм не мог бы существовать без веры, хотя предмет веры и "символ" его веры антирелигиозны. Непримируемость коммунизма ко всем религиям вытекает из стремления быть единственным универсальным мировоззрением, которое исповедуют не сомневаясь, в истинность которого верят. "Научность" не только марксистской

политэкономии, что было бы вполне справедливо, но "научность" марксистско-ленинского учения в целом, скрывала религиозный характер коммунизма. В конечном итоге именно религиозный характер и определял антирелигиозный пафос коммунизма и глубокую враждебность ко всем религиям вообще, и прежде всего к христианству. Претендуя на обладание истиной, коммунизм не может и не желает примириться ни с какой другой философией, ни с иным взглядом на мир, ни тем более с религией. Он сам хочет быть религией, заменяющей христианство, но не как новая религия, противопоставленная старой, а под видом науки. Попытки представить его религией коммунистами всегда отвергались.

В этой связи можно вспомнить борьбу "основоположников" с попытками некоторых марксистов не только представить коммунизм особого рода религией, но и извлечь из этого определенные политические выгоды. Достаточно вспомнить В.Вейтлинга, А.Виллиха, К.Шапиера, которые считали, что воздействуя на религиозные чувства можно легко добиться того, чего нельзя достигнуть, воздействуя на разум. В русском марксизме суровым гонениям подвергались "богоискатели" и "богостроители", увидевшие в марксизме, "последнюю великую религию", "пятую мировую религию", "подаренную титаном-евреем пролетариату и человечеству"(5). Жестокая критика, обрушившаяся на них со стороны партии во главе с Лениным, вполне соответствовала тяжести их "вины", которая в сущности заключалась в обнажении религиозной природы коммунистического учения.

Характеризуя коммунизм как религию, Луначарский писал, что "религия есть такое мышление и такое мироучествование, которое психологически разрешает контраст между законами жизни и законами природы... С точки зрения религиозно-философской, Маркс блистательно продолжил это дело возвышения антропологии до степени теологии, т.е. окончательно помог человеческому сознанию стать человеческой религией"(6). О коммунизме, как религии человекобожия говорили не только уже упоминавшиеся Бердяев и Булгаков, но и С.Франк, Н.Лосский и другие, с той только разницей, что они в отличие от Луначарского, восхищавшегося марксизмом, видели в этой "новой религии" полную противоположность христианству, пророчески предсказывая ужасающие последствия ее торжества.

В целом можно выделить несколько характерных черт коммунизма как особой, весьма специфической религиозной системы:

-искусственное происхождение, появление благодаря некоему интеллектуальному озарению и гениальности "основоположников", совершивших "революционный переворот" в мысли, открывших новую эпоху марксизма как единственно верного учения;

- насаждение веры в то, что только учение Маркса-Энгельса-Ленина (Сталина в соответствующую эпоху) - подлинно научное учение. Все предшествующее марксизму и современные ему немарксистские учения глубоко неверны уже потому, что они немарксистские. "Учение Маркса всесильно, потому что оно верно";

- деление на "верующих" и "неверующих" приобрело в марксизме-ленинизме черты манихейства и дуализма. Существовал мир, управляемый злым началом (мир капитализма), и мир добра - Советская страна. Добро

персонифицировалось в партии и ее вожде, а зло - в мировой буржуазии, для борьбы с которой как с дьяволом дозволены любые средства и нужна постоянная бдительность. Отношения кроме борьбы невозможны, так как диалог с сатаной чреват победой последнего и равносильен предательству. Сознание и разум пролетария и буржуазии принципиально различны, и общения между ними быть не может;

- борьба за чистоту веры, строгий надзор за ортодоксальностью и обязательность исповедания марксизма-ленинизма для всех, инакомыслие запрещалось. Непогрешимость внешнего авторитета, определяющего правильность толкования учения, отделяющего "зерна" истины от "плевел" ереси. Ни Ленин ни Сталин не могли ошибиться, согласно вере в них масс, они всегда говорили истину. После смерти Сталина, с началом либерализации и эрозии режима, функции главного инквизитора перешли к М.Суслову. "Отпавшим" от правильной веры еретиком мог стать абсолютно всякий, вне зависимости от высоты номенклатурных позиций. В этом ключе можно понимать и исключение из партии как буквальное "ауто-да-фэ", отлучение от партии-церкви, а в перспективе и от всего общества. Быть таким отступником и изменником веры было несравнимо хуже, чем просто беспартийным, находящимся в потенциальной близости партии как своего рода "оглашенный" в христианской церкви;

- безбожие и атеизм, основанные на вере в то, что нет ни Бога, ни души;

- материализм, т.е. вера в материю как первопричину мира, ("материя, развиваясь и изменяясь, является творцом всего существующего"(7)). "В мире существует только материя и ее законы, познавая их, ты познаешь самую глубокую сущность природы, за которой уже ничего нет."(8). В марксизме-ленинизме материализм превращается в своего рода "материалистический спиритуализм", так как материя представляется как обладающая своими законами развития, из чего выводится смысл бытия мира и мировой истории. "Мир развивается по законам движения материи и не нуждается ни в каком "мировом духе"(9). "Бытие" понимается только как материальное бытие. Но "материальная эволюция и прогресс духовности совпадают"(10).

Таким образом, все высшее выводится из низшего. Это общий принцип марксистско-ленинского подхода к явлениям. Он не ограничивается философскими рассуждениями о первичности материи и вторичности сознания или о том, что сознание производится мозгом -"органом мысли". Марксизм-ленинизм в принципе стремится объяснить все высшее низшим, высокое - низменными инстинктами и интересами, "открывая глаза" на "правду как она есть" во всем ее неприглядном виде. Думается, отсюда и тяготение к грубости в работах Ленина, огрубление им учения Маркса, а впоследствии примитивизация и огрубление марксизма и ленинизма продолжателями дела "основоположников". Раз запущенный механизм "игры на понижение" продолжал работать на всем протяжении советской истории, все больше и больше приземляя и опошляя человека и жизнь.

- антихристианство, лишь в контексте которого можно понять многие особенности коммунистического религиозного учения.

Возникнув спустя много столетий после христианства, марксизм, а затем и марксизм-ленинизм использовали христианские идеи, извращая их смысл. Это было наиболее эффективным способом обработки масс, воспитанных на христианской традиции. Кроме того, сами

"основоположники" принадлежали к европейской культуре, взошедшей на христианских дрожжах, а потому не могли при всем желании вырваться из системы координат, заданной христианством.

Идя как бы на смену христианству, претендуя быть последним и окончательным выражением истины, коммунизм заимствовал христианские идеи, лишая их Христа, извращая их смысл, превращая их в пародию и карикатуру на христианство. Как отражение в кривом зеркале не имеет глубины, но создает иллюзию глубины и объемности отражаемых предметов, так и марксизм-ленинизм лишил христианские истины философской и религиозной глубины, извратил, огрубил и примитизировал их. Произошла подмена ориентиров - с божественных основы жизни на идеологию. Евангельскому духу всеобщей любви, любви ко всему живому как к творению Божию, коммунизм противопоставил любовь только к "угнетенным", оборачивающуюся ненавистью к "классовому врагу" и "классово чуждым элементам". На место евангельской свободы пришло насилие, как "повивальная бабка" истории, являющееся необходимым для социалистического строительства: "Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления", - говорил Сталин (11). Человекобожие на практике обернулось человеконенавистничеством, истреблением миллионов, а декларируемая вера в человека обернулась его уничтожением. Марксизм знает только абстрактные социальные категории - пролетариат, буржуазия, класс эксплуатируемых и класс эксплуататоров, - несущие не столько экономическую, сколько этическую нагрузку. Личность потеряна и растворена в социальных категориях.

Как целостное религиозное учение, противоположное христианству, но много у него заимствовавшее, коммунизм имеет свою догматику и эсхатологию, свою экклизиологию и гомилетику, свои "Священные Писания" и экзегетику, своих мучеников и святых. Они имеют аналогии с христианством, будучи подражательством по форме, но с извращенным, упрощенным, "уплощенным" и опошленным содержанием.

Иногда можно видеть прямые заимствования. Вспомним, например, известную фразу "Кто не работает, тот не ест". Взятая из Второго Послания ап. Павла к Фессалоникийцам ("Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь"), она переиначивалась и выдавалась за коммунистическое изобретение. Христианское уважение к труду и идея всеобщего призвания к со-творчеству и со-трудничеству с Богом превращались в призыв уничтожения нетрудящихся, т. е. эксплуататоров, и самоутверждение людей труда, т. е. пролетариата и беднейшего крестьянства. Осуществляя свою диктатуру они решали - кого кормить, а кого оставлять умирать голодной смертью, как "классово враждебных" элементов типа кулаков или бывших буржуев. Если эти элементы не работают, не принадлежат к трудящемуся революционному классу, то пусть и не едят добытый трудовым людом хлеб. Пусть вообще умрут и исчезнут как реакционный, не достойный жизни класс.

Так, первородным грехом стала в коммунизме частная собственность и связанная с ней эксплуатация. Предполагалось, что именно это "испортило" мир и людей.

Экклизиология, то есть учение о Церкви, превратилось в коммунизме в учение о партии "нового типа". Коммунистическая партия и была, собственно, своего рода церковью. Подобно христианской экклизиологии, рассматривающей церковь в двух аспектах - "зримом" и "мистическом" как "тело Христово", охватывающее все человечество, коммунистическая партия-церковь мыслилась, с одной стороны, как реальная партия большевиков, а с другой - в перспективе будущей мировой революции, как все угнетенное человечество, как весь мир победившего коммунизма. Характерно также разделение на своего рода "церковь учащую" и "церковь учащуюся", при котором вожди партии наделялись непогрешительным авторитетом, а в ЦК, говорил Сталин, беседуя с немецким писателем Э.Людвигом, как в "ареопаге сосредоточена вся мудрость нашей партии"(12).

Аналогом крещения можно считать вступление в партию, после которого начинается новая жизнь, связанная с обязательным активным участием в деятельности партячек, своего рода аналоге общин верующих.

Таинство исповеди сменилось "разборками" и признаниями на партийных собраниях. Не случайно "честный" партиец не утаивал ничего от товарищей по партии, а те в свою очередь следили за моральным обликом окружающих, вникая во все, даже сугубо личные, проблемы. Только в этом контексте и можно понять наказания, вплоть до исключения из партии (своего рода епитимьи), налагающиеся на совершивших аморальный поступок.

Съезды партии, на которых вырабатывалось "вероучение", и достижение истины требовало единомыслия и единодушия. В определенном смысле они имеют аналог в Соборах, на которых достигалось "соборное" решение.

Своего рода иконостасом оказывались портреты членов ЦК, с обязательным портретом вождя по центру, и наиболее верных его сподвижников "одесную". Они были обязательны для всех учреждений, "освящая" своим присутствием кабинеты руководителей. Демонстрации с портретами членов партии и правительства стали аналогом крестных ходов с иконами и хоругвями.

В "Священное Писание" превращались труды "классиков" марксизма-ленинизма. В них можно было найти ответы на все без исключения вопросы, содержались решения всех возможных проблем. Эти труды можно лишь толковать, но не пересматривать или критиковать. В них содержится абсолютная истина и ее ревизия неизбежно есть ересь.

Христианская нравственность заменялась учением о классовой морали, отрицающей общие человеческие ценности и общую человеческую мораль. Нравственно все, что способствует пролетарской революции и укреплению коммунизма. Цель оправдывает средства. Зло становится путем к добру. Насилие и принуждение - целесообразны и оправданы. Вместе с тем, для коммунизма в высшей степени характерен сам дух морализма, в критике оппонентов и "врагов" марксизма постоянно использовались чисто моральные категории. Морализаторство, т.е. желание принудительно насадить мораль, проследить и проконтролировать поведение человека с позиций его "морального облика", внедриться во все, даже самые сокровенные сферы жизни и поставить их под свой контроль, было в высшей степени характерно для социалистической действительности.

Подобные сравнения можно продолжать без конца. Гораздо важнее то, что в самых основных своих догмах - о диктатуре пролетариата, о

неизбежности победы социализма и коммунизме как своего рода "рае на земле", марксизм-ленинизм использовал религиозную традицию, переиначивая ее на свой лад (13).

Особое место занимает обожествление вождей, раскрывшееся наиболее полно в культе Сталина, хотя начало этого содержалось в отношении к "основоположникам".

Сравнения "основоположников" с титанами, Маркса с Прометеем, похитившим небесный огонь, - расхожее место в марксистской литературе. Маркс, Энгельс, и в значительно большей степени Ленин и Сталин выступали как земные божества. Они наделялись сверхчеловеческими качествами. Прежде всего, в соответствии с рационалистическим духом коммунизма, сверхъестественным интеллектом, нечеловеческой мудростью, а также всеведением, непогрешимостью, прозорливостью, даром предвидения. Нельзя не отметить, что политическая и научная деятельность, а в случае с Лениным и Сталиным государственная работа и написание научных и публицистических текстов по разным вопросам, - действительно редкое сочетание. И в этом отношении обожествление вождей опиралась на признание их таланта. Другое дело, что этот талант абсолютизировался и воспринимался как недостижимый для простого человека эталон, как сверхчеловеческий дар. Нельзя не отметить, что вожди в свою очередь смело брались за разрешение всех вопросов. Вне представлений о божественных, сверхчеловеческих способностях трудно понять успехи товарища Сталина, например, в языкознании. И вообще без такого представления невозможно относиться ко всему написанному вождями как к истине в последней инстанции, как к Священному Писанию. Именно в этом контексте можно понять обязательное цитирование "классиков" и вождей во всех трудах, начиная от философских и исторических, и заканчивая книгами по гигиене, свиноводству или кулинарии. (Весьма показательная в этом отношении знаменитая "Книга о вкусной и здоровой пище")

Исходя из того, что мозг - орган мысли, некоторые советские идеологи связывали гениальность вождей с особым мозгом. Интересны слова Луначарского о том, что Ленин "улыбался, а жил с горящим мозгом. Не видно было, как мозг горит, что сосуды каменеют от колоссального количества крови, которую они несут, чтобы питать эту титаническую мысль, думающую за всех, совершающую огромную работу для человечества" (14). Здесь важно обратить внимание на это представление о том, что вожди "думают за всех", что все остальные просто не способны, подобно маленьким детям, рационально постигать действительность и думать за себя. Партия и вожди, думая за всех, соответственно знают, как лучше. В конечном счете это можно считать превращенной патерналистской установкой, согласно которой люди отдавали свою свободу и перекладывали ответственность за свою жизнь на "отца народов", "думающего за всех".

Но, конечно, не только сверхчеловеческая мудрость была свойственна вождям мирового пролетариата. Они представляли собой воплощение "нового человека", идеал человека. "Партия имеет во Владимире Ильиче, величайшем вожде, всю чистоту, всю сияющую красоту человечности" (15). Он - "первый образчик того, чем может быть человек" (16). Что уж говорить об Иосифе

Уразвалин Вавилона

Виссарионовиче - "вожде народов", "наиболее верном и твердом носителе ленинского учения и славных традиций большевизма", "лучшем ленинце".

Коммунистическое религиозное сознание не только наделяло вождей всеми лучшими чертами, но и не допускало существования никаких отрицательных черт. "Если вы спросите, были ли отрицательные черты во Владимире Ильиче, - не знаю, не вспомню, не могу найти от края до края этого в политике, в товарищеской жизни, личной, в теории...Ни одной черты, которую можно было бы назвать отрицательной" (17).

Конечно, обожествление вождей, пропитывая все мирозерцание и мирочувствование советского человека, более всего относилось к области политики. Но показательны и литературные свидетельства, в частности поэзия и песенное творчество, которое можно изучать как гимнологию. В нем мы сталкиваемся с религиозной мистикой в полном ее объеме. Особенно в стихах и песнях о Сталине, хотя даже в брежневскую эпоху сочинялись такие песни о Ленине, которые буквально пронизаны поэтической мистикой. (Достаточно вспомнить слова из известной песни, обязательно исполнявшейся на всех праздниках - "Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой"). Что касается песен о Сталине, (показательно, что стихи о нем также назывались песнями, что соответствует псалмопевческой традиции), то коммунистический бог предстает в них вездесущим и всеведущим, проникающим в сердце, знающем помыслы каждого. Например: "Слышит он каждого города шум, каждого сердца стук"(18); "Ты в сердце каждого проник отцовским взором, Сталин" (19).

Как спаситель человечества он справляется с мировым злом, озаряя мир светом:

Железным ломом горы зла
Тобой разрушены до тла.
Заря над Родиной взошла -
Вселенной зодчий, Сталин(20).

Эта победа над злом предстает как полная и окончательная. "Над советской землей свет не сменится тьмой, Солнце - Сталин блистает над нею" (21). Более того, не только "во плоти", но и заочно вождь творит чудеса. Имя его, - "вечное как время" (Р.Гамзатов), обладает особой сверхъестественной силой. Само произнесение этого имени призывает дух вождя, способного творить чудеса. Как писал С.Михалков :

Если ты ранен в смертельном бою,
.Если у гибели ты на краю,-
Рану зажми.Слезы утри.
Имя заветное вслух повтори.
Воздухом синим, течением рек
Помощь придет тебе тот человек (22).

Вождь предстает как сверхъестественный хозяин некоего "заповедного" сада, что находится в прямой аналогии с Эдемским садом.

Как солнце весенней порою
Он землю родную обходит.
Растит он отвагу и радость
В саду заповедном своем (23).

Более того, как вершителю мировых судеб, только ему ведом последний апокалиптический час наступления своего рода "последних времен", когда он введет человечество в новый эон коммунизма.

Настанет, в песнях солнечных воспетый,
Обетованный, долгожданный час,
Когда, исполнив Ленина Заветы,
В мир коммунизма Вы введете нас (24).

Для нашей темы также важно обратить внимание на эсхатологический момент коммунистического учения. Из него вытекает определенное отношение к жизни и смерти, к смыслу жизни и смыслу истории, а также противоположные установки в отношении к "телесности" обычных людей и "телесности" вождей.

Коммунистическая эсхатология, учение о наступлении коммунистического "Царства Божия" на земле, земного рая, было глубоко религиозным, основанным на вере учением, прямо противоположным христианской эсхатологии.

Коммунизм - религия эсхатологическая по своему характеру. Учение о счастливом будущем человечества, о земном рае занимает в нем центральное место. Его основной религиозный пафос заключается в вере в то, что человек может без Бога, своими силами, с помощью науки и техники осуществить Царствие Божие на земле. "У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явились настроения, которые можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царствие Божие на земле, без Бога, на основе научного знания. Невольно вспоминаются анабаптисты и многие другие коммунистические сектанты средневековья, апокалиптики и хилиасты, ждавшие скорого наступления тысячелетнего Царства Христова и расчищавшие для него дорогу мечом, народным восстанием, коммунистическими экспериментами и крестьянскими войнами" - писал Лосский (25).

Коммунистическое учение переводило, по выражению Булгакова, христианскую эсхатологию с языка теологии на язык рационализма и политэкономии, лишает божественного измерения, проецирует на земную, данную реальность. Поэтому в определенном смысле коммунизм в своих чаяниях Царства Божия на земле был близок древнему иудейскому хилиазму, ориентированному на рай на земле в "этой зоне", а не за пределами истории, "в будущем веке", как свойственно христианской эсхатологии.

Христианство, "чая воскресения мертвых и жизни будущего века", относится к настоящей жизни как к пути к жизни будущего века, той вечной жизни с Богом и в Боге, которая откроется в конце человеческой истории, но уже вне ее пределов. Речь идет о наступлении Царства Божия после второго пришествия Христа, после преображения мира. Христианская идея основана на уповании, что человеческая история окончится исходом из всех трагедий, всех противоречий и несчастий, и что в этом примут участие все поколения живших на земле людей. Вечная жизнь, всеединство, победа над смертью и грехом, - все это полагается вне пределов "этого века" и связывается не с

Уразвалин Вавилона

уничтожением мира, а с его полным изменением и обновлением. Что, конечно, невозможно при теперешнем состоянии человечества, в пределах данной человеческой истории.

В противоположность этому, коммунистический хилиазм (т.е. вера в наступление Царства Божия на земле в пределах земной нынешней истории) считает возможным построение земного рая силами человечества, вооруженного всемогуществом науки и техники, коммунистического рая вне Бога, без Бога и против Бога. С точки зрения коммунистического строительства весь исторический процесс является лишь преустройством, подготовкой, средством для осуществления земного рая. Абсолютное как бы путем естественно-исторического прогресса должно вмениться в относительное. Предполагается не переход за грань человеческой земной истории, а включение четвертого измерения абсолютной всесовершенной жизни в мир из трех измерений. Судьба человечества должна, таким образом, окончательно решиться в этой относительной и временной земной действительности, по прямой линии совершающегося прогресса добра, совершенства, счастья, в силу которого каждое последующее поколение лучше и совершеннее предыдущего (26).

Так происходило превращение каждой человеческой индивидуальности, каждого человеческого поколения, каждой эпохи человеческой истории в средство и орудие для достижения окончательной цели - совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, тех счастливых, для которых кости всех поколений их предков были только лестницей в царство блаженства. Для бесконечной массы людей и бесконечного ряда поколений предопределены только смерть и могила, причем смерть как полное уничтожение, как абсолютное небытие. В этом отношении коммунистический хилиазм и культ прогресса были ни чем иным, как религией смерти, а не воскрешения и вечной жизни. Эта религия беспощадна к настоящему и прошлому человечеству, соединяя бесконечный пессимизм в отношении умерших с бесконечным оптимизмом в отношении к будущему коммунистическому поколению, пирующему на празднике жизни на могилах предков в коммунистическом раю. Но и их жизнь также будет унесена смертью, которая уничтожит и этих счастливых.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме смерти вождей и посмертной судьбы их тел.

Тело вождя

Вопрос о жизни и смерти - один из основных вопросов всякой философии и всякой религии. В марксизме-ленинизме он был отнесен на периферию сознания вопросом о первичности бытия и сознания, считавшимся "основным вопросом философии". Утверждение о первичности бытия, отождествляемого с материальным бытием, и вторичности сознания "сняло" вопрос о душе, посмертном существовании и личном бессмертии. Само собой разумеется, что смерть человека означает его полное уничтожение, что никакого иного посмертного существования и личного бессмертия нет и не может быть. Могила и полное уничтожение - таков последний удел всякого человека в коммунистическом миропонимании.

Но действительно ли всякого? Или для некоторых избранных - вождей - предполагалось исключение? Как сочетается презрение к жизням и смертям простых людей, физическое уничтожение миллионов, "стирание" их не только с лица земли, но вообще из бытия (ведь посмертное существование отрицалось), с таким трепетным отношением к телу вождя (вождей)? Как понять это стремление увековечить не только дело, но и тело Ленина (а в свое время и Сталина, а могло случиться, что и ряда других товарищей) в контексте материалистической религии коммунизма? Что стоит за этой интенцией хранить в вечности тело вождя в состоянии как будто он только что умер, что он "почти" живой и за растянутым на века прощанием с покойным, лежащим в мавзолее?

При всем том, что, конечно, коммунисты никогда не верили и не верят (если только они настоящие коммунисты) в существование бессмертной души и иной жизни "за-гробом", психологически превращение тела вождя в главную святыню может объясняться неистребимой в человеке тоской по бессмертию. В коммунистическом религиозном сознании парадоксальным образом совмещаются три плохо совместимые вещи - неверие в существование бессмертной души - стремление навечно сохранить тело вождя и (при нахождении его тела в мавзолее) бесконечное повторение в политических речах, пропагандистских брошюрах, в лозунгах, в поэтическом и песенном творчестве мысли о том, что "Ленин и теперь живет всех живых". Понять это совмещение невозможно вне религиозной логики невозможно.

"Товарищи! Конечно, это правда, что Ленин жив. Конечно, остались его сочинения, его традиции, его дух. Разве такие люди могут умереть? И даже более того: теперь Ленин, может быть, более жив, чем когда-нибудь... И в нынешнем апофеозе своем Ленин, может быть, еще сильнее, чем был при жизни"(27). Естественно, эти слова Луначарского о вечной жизни Ленина, произнесенные у гроба вождя, нельзя понимать буквально. Но нельзя не заметить, что в них, как и во всех словах, произнесенных, написанных, пропетых о вечной жизни вождя, была нарушена некая грань. И это нарушение не что не может быть объяснено просто "дурным вкусом". Диссонанс усиливается тем, что абсолютно, совершенно мертвое тело вождя, увековеченное в своей мертвости, лежит в мавзолее. Но в целом, нарушение этой грани - духовное явление, следствие извращенной направленности религиозного чувства.

Если бессмертие вождя непосредственно вытекает из его обожествления, т.е. связано с религиозным чувством как таковым, вне прямых аналогий именно с христианством, то широко распространенные поэтические метафоры, что Ленин продолжает жить в сердце каждого коммуниста, что "Ленин в тебе и во мне", или что Сталин живет в каждом коммунисте, являются секуляризированным перефразом христианской идеи о том, что человек - "храм Божий", что в нем живет "Дух Божий" (1-Кор.,3,16) и убежденности в том, что в верующем, как в апостоле Павле, согласно его словам: "Уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал.,2,20). Так же можно интерпретировать и желание "быть как Ленин", "быть как Сталин", осуществлять их волю в своей жизни и как можно полнее уподобиться их личности, воспроизвести их личность в своей.

Слова о бессмертии вождя вряд ли скрывали надежду на воскрешение в неопределенном будущем силами науки и техники, даже если представить себе переделанное на коммунистический лад учение Н.Федорова. Впрочем, если мысль и сознание есть продукт деятельности мозга, то почему невозможно принципиально когда-либо в будущем, при неограниченных возможностях науки, оживить этот мозг, гальванизировать прилично сохранившийся труп и, таким образом, воскресить вождя?*

*В этом отношении нельзя не отметить, что некоторые последователи Федоровского учения, например, А.Горский, являясь вполне религиозными философами и рассуждая о всеобщем воскрешении предков, были склонны уделять особое внимание науке и технике. "Ближайшее будущее вселенской религиозной культуры во многом зависит от того, услышат ли "слюноточивые" мистики, которых такая уйма расплодилась в последнее время и у нас, и в Европе, - услышат ли они внутри себя и услышав, поймут ли этот упорный и настойчивый голос - Занимайся химией! Занимайся химией!" (Горностаев А.К.(Горский А.К.). Тяга Земная. // Вселенское Дело. Вып. 1. Одесса, 1914, с.207. (Об этом подробнее см. : Хомяков М.Б. Deux ex machina. Екатеринбург, 1995, с.27)

Можно, конечно, отбросить эту мысль как кощунственную и вполне справедливо сказать, что никаких "тайных надежд" на воскрешение не было и быть не могло. Но вполне очевидно, что есть некоторый психологический механизм религиозной жизни, независимый от ее содержания, как есть и логика религиозного чувства. В их контексте сам факт хранения тела "как живого" или по крайней мере как "только что умершего", соответствует желанию вечного хранения, которое равносильно желанию вечной жизни или вечной смерти. Но только к чему именно - к вечной жизни или вечной смерти?

В хранении тела вождя в мавзолее в состоянии как бы только что умершего, в этом любовании смертью, скрывается ни что иное, как смертопоклонничество, религиозное служение смертносному началу, обожествление смерти. Можно сказать, что коммунизм как религия является религией смертопоклонничества, смертобожничества с культом смерти. Этим и прежде всего этим он представляет собой противоположность христианству как религии вечной жизни. Поклонение телу вождя как главной святыне коммунизма есть полная аналогия и прямая противоположность поклонению Кресту Животворящему в христианстве. Почему?

Христианство смотрит на человека как на тварного бога, которому дана Богом жизнь, но изначально не дана смерть. "Смерти Бог не сотворил" (Прем. Сол., 1,13), но лишь "пустил". Смерть вошла в мир путем греха, после грехопадения, этой космической катастрофы, разрушившей устойчивость человеческого существования. "Смерть не безусловна и не всеильна. Она лишь надрывает, надламывает древо жизни, но она не непреодолима, ибо уже побеждена воскресением Христовым. Смерти противоположно бессмертие, оно ей предшествует и ею предполагается как предусловие. Если смерти Бог не сотворил, то это значит, что в человеке по сотворении заложена по крайней мере возможность бессмертия и отсутствует необходимость смерти. Эта возможность перестает быть как таковая, но переходит в неизбежность смерти лишь силою первородного греха "(28). Относясь к смерти не как к полному уничтожению, но как к отрыву духа от тела, который совершается в умирании,

христианство предполагает возможность и нового соединения духа и тела в воскресении в преображенном виде. Разделение в смерти становится, таким образом, двояким процессом: с одной стороны дух, после мучительного отрыва от тела, начинает свое загробное существование, а с другой - тело предается тлению, но, однако, как верят христиане, сохраняет непостижимым образом в себе жизненную силу для воскресения, а с этим и для бессмертия.

Необходимо подчеркнуть, что христианство не есть устремление к бестелесному бытию, не есть проповедь загробной жизни, хотя истина бессмертия души составляет одну из основных истин христианства. Христианство не гнушается телом и телесностью, не смотрит на тело как на темницу для души подобно разного рода гностическим учениям. Напротив, ему присуща вера в "добро" человеческого тела и всего материального мира, в то, что всеобщее воскресение и вечная жизнь состоится не в каком-то "ином" бесплотном, но нашем мире, который любим Богом, что при всеобщем воскресении мертвых в прерожденном виде в "конце времен" в великий день второго пришествия Сына Человеческого воскресшие тела будут в своей сущности те же, что и в земной жизни. Христос воскрес в теле и, как говорит ап.Павел: "если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших...Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут" (1Кор.,15,13-14,20,22). Крест, на котором был распят Христос, претворяется в Крест Животворящий, в символ вечной жизни, знак христианской церкви. Христианство зовет к полноте жизни, утверждая вечную жизнь и воскресение все людей в теле.

Марксизм-ленинизм верит в полное уничтожение человека, верит в абсолютную силу смерти. Речь идет именно о вере, так как опыта смерти ни у основоположников, ни у авторов брошюр, в которых "научно доказывалось", что души у человека нет и что смерть означает полный и абсолютный конец человеческого существования, не было и быть не могло. И атеизм в смерть только верит. Это - антивера направленная на отрицание высшей жизненной силы в себе и других и утверждение смерти как абсолютного небытия.

В этом отношении весьма показательным, что Ленин, глубоко убежденный в конечном торжестве смерти, в полном уничтожении смертью всего человека, считал свою материалистическую и атеистическую веру не просто "прогрессивной", но утверждающей жизнь силой. Он хотел освободить человечество от религии как от разрушительных для человека иллюзий и извращений сознания, как от истощающего жизнь зловредного заблуждения темного, не просветленного марксистской истиной человека. Проповедь материалистического и атеистического учения представлялась жизнеутверждающей. И оно отчасти действительно являлось утверждающим, но утверждающим только "эту", материальную, "данную нам в ощущении" временную земную жизнь и только за счет отрицания бессмертия и жизни вечной, т.е. утверждением бесконечности смерти и вечного круговращения. Ленин, развивал идею Маркса о том, что вера в Бога держит пролетариат в бедности, слабости и унижении. "Бог есть комплекс идей, порожденных тупой подавленностью человека, внешней природой и классовым гнетом, - идей, закрепляющих эту подавленность, усыпляющих классовую борьбу"(29). Значит необходимо освободить сознание от этих идей.

У развалин Вавилона

Важно отметить, что Ленин противопоставлял коммунистическое учение как "живоносное" религии, полагая, что религия с ее идеей бессмертия и есть "смертоносное" злое начало. "Идея бога всегда усыпляла и притупляла "социальные чувства", подменяла живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства" (30). Именно в этом контексте можно понять и смысл ленинской фразы: "Всякий боженька есть труположество". Это не просто грубость, это - глубокое убеждение в том, что идея Бога и бессмертия есть смерть, а материализм, атеизм и отрицание вечной жизни есть жизнь. Значит правы те коммунисты, которые говорят о желании самого Ленина, может быть не высказанном (не важно) вечно храниться как мертвое тело в мавзолее? Значит религиозное коммунистическое сознание продолжает усматривать жизнеутверждающее начало в смерти и смертоносное в религии? Значит борьба с религией, с идеей Бога представляется борьбой со смертью для правоверного коммуниста и неистребима, несмотря на все современные заигрывания коммунистов с церковью?

Здесь есть еще один момент. В мавзолее искусственно поддерживается состояние умершего "почти как живого" с сохранением портретного сходства. Причем речь идет о вечном хранении вождя в таком виде. Что именно фиксируется, переносится в вечность? Почему традиционное кратковременное пребывание покойного до погребения здесь растянуто на века и не имеет конца?

Можно сказать, что в покойном вожде в мавзолее навеки запечатлена не вся смерть, а лишь первая ее фаза - умирание. Да, именно в трупном образе, как всегда до погребения, дается почувствовать не целиком совершившееся, но совершающееся умирание, вся его сила. А в умирании еще нет "света смерти", совершающегося перехода в жизнь вечную. Отсекая идею бессмертия и фиксируя трупный образ "почти как живой", т.е. только что умерший, как-бы "не до конца" умерший, до совершения похоронного обряда, ставящего точку на процессе умирания и начинающего отсчет новой загробной жизни, коммунистическое сознание оставляет смерть в ничем не ограниченной силе.

Этот самый страшный в смерти момент, момент умирания, в христианстве осмысливается как момент богооставленности. Христос умирал нашей, человеческой смертью, и этот жуткий момент был запечатлен Его словами "Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" Смерть всякого человека, как верят христиане, есть со-умирание с Христом, есть откровение о смерти своей и Христовой (31). Но после этого страшного момента умирания и богооставленности воссияет свет вечной жизни. И поклонение Кресту и превращение его в символ церкви Христовой было бы невозможно, если бы не было Его воскресения, ставшего начатком будущего воскресения всей твари.

Мавзолей и Вавилонская башня социализма

Тело хранится в мавзолее. Но что символизирует сам мавзолей? Не что иное, как Вавилонскую башню. Сознательно ли, случайно ли, но архитектор почти в точности повторил форму зиккурата, только в уменьшенном размере. И так же, как в зиккурате верхняя площадка служила святилищем, своего рода алтарем языческих богов, так и на мавзолее на нее восходили члены партии и правительства, своего рода "небожители" или по

крайней мере приближенные своего земного божества. Что же следует из того, что мавзолеем символизирует Вавилонскую башню?

В Библии Вавилонская башня и Вавилон даются как образ антибожеской цивилизации. В Книге Бытия, в рассказе о строительстве Вавилонской башни, говорится о намерении некоторой части человечества основать политическое и этническое объединение. Однако, это намерение было противно замыслу Бога, Который разрушает усилия людей. (По одной версии строителями Вавилонской башни были потомки Хама, проклятого своим отцом Ноем за нечестие; по другой версии - потомки Сима или тех симовых племен, от которых берет начало родословная линия Авраама. Не случайно рассказ о праотце Аврааме, наделенном великой привилегией считать Бога "своим Богом", следует непосредственно за рассказом о Вавилонском столпотворении).

Итак, люди приходят в долину Сеннаар и начинают строить башню, а рядом с ней город Вавилон (32). Башня "высотой до небес" (или "вершина которой до небес") служила центром первой в мире империи *. Ее должно было быть видно далеко за пределами Вавилона. Поэтому она служила ориентиром для отдаленных местностей. Выражение "высотой до небес" аналогично выражению, употреблявшемуся месопотамскими царями, которые хотели просто упомянуть о строительстве некой высокой башни. В этом выражении, взятом изолированно, отсутствует смысловой оттенок вызова Богу. Башни ("зиккураты") Месопотамии были храмовыми зданиями и предназначались для религиозных целей. Возможно, одна из причин разрушения башни была связана с языческим культом. Однако, этот вывод не заключается непосредственно в библейском повествовании. Центральная мысль эпизода заключается скорее в том, что даже самые мощные цивилизации распадаются, когда их пути расходятся с божественными планами.

*На современном языке рассказ о Вавилонской башне можно выразить следующим образом: "Люди, заселившие нижнюю Месопотамию (т.е. те, от которых произойдет позже клан Авраама), ввели там употребление кирпичей в качестве строительного материала. Они составляли некое единство, этническое или, по крайней мере, культурное. Настало время, когда эти люди решили усилить свое единство, создав политический и одновременно религиозный центр: столицу с храмом. Это воспрепятствовало бы этническому или культурному расчленению, которое им угрожало. Ничто, казалось, не могло помешать их замыслу осуществиться, но Бог не пожелал этого. Он сделал так, что нарушилось единство мысли и культуры, и, таким образом, не могло осуществиться политическое единство. Название города Бабел (Вавилон) походит на "балал" (смешивать), напоминая именно об этом событии" (Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии. М., 1995, с.193). Для нас здесь важно отметить, во-первых, то, что упоминаемые "кирпичи вместо камней" олицетворяют технологическую традицию, заложенную каинитами, родоначальниками всех изобретателей и ремесленников. А, во-вторых, то, что идолопоклонство в Вавилоне началось с поклонения историческому лицу - Нимроду, вождю строителей Вавилона и Ниневии. С течением времени оно трансформировалось в культ бога Мардука. Таким образом, первая империя,

У развалин Вавилона

первая технологическая цивилизация и первое идолопоклонство и культ "вождя народов" были связаны между собой.

Что же дает основания говорить об антибожеском характере вавилонской цивилизации? Боговдохновенный автор библейского повествования говорит о замысле, о внутренней мотивации людей, строящих башню. Получается, что антибожеский характер этой цивилизации заключался, согласно Библии, прежде всего в гордыне ее строителей, в представлении их о себе как о "титанах", стремившихся "сделать себе имя", и в горделивом противопоставлении вавилонских царей Богу. "Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера, взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему" - эти слова вкладывает в уста одного из вавилонских царей пророк Исая (Ис, 14, 13-15).

Этому самопревозношению и самоутверждению Библия противопоставляет избрание и превозношение, совершаемое Богом. Сразу после слов о разрушении вавилонской башни, мы читаем о замысле Бога "возвеличить имя" Авраама, который стал первым камнем духовного здания монотеизма. Оно противопоставляется вавилонской башне, земной цивилизации, олицетворяя "град Божий", который без Бога построить невозможно.

Особенно ярко говорят о Вавилонской башне как символе противобожеской цивилизации древние еврейские предания. Удивительно, как точно они отражают нашу советскую действительность.

В них в частности рассказывается, что строители башни хотели добраться до неба, чтобы объявить войну Богу и ангелам, свергнуть их и водрузить своих идолов и поставить престол своего царя. Башня достигла головокружительной высоты, и каменщику требовался год чтобы добраться до ее вершины. Если он падал и разбивался, то никто не сожалел о нем, но плакали о разбитых кирпичах и потерянном времени. Люди работали так усердно, так торопились поскорее построить башню, что женщины не прерывали работы даже во время родов. С высоты башни люди пронзали небо стрелами и те падали, обгаренные кровью. Лишь тогда терпение Бога истощилось и Он "сошел посмотреть город и башню". Бог карает людей, смешивая их языки. Сама башня, по преданию, на треть разрушилась и опалилась огнем, на треть ушла в землю и на треть осталась в развалинах в назидание будущим поколениям.

Таким образом, вавилонское столпотворение (то есть творение столпа, башни), предстает как гигантская стройка, как огромный людской муравейник, в котором человек превращался в безликую "рабочую силу".

В определенном смысле вавилонская башня - символ перевернутого мира, перевернутой системы ценностей, где цена жизни ниже цены строительного материала. Чем выше башня, тем ниже глубина падения человека как духовного существа, глубже пропасть, ближе ад. В этом отношении башня - тот же "Котлован", описанный Платоновым, в котором по мере его сооружения все меньше остается свободы, жизнь все больше обесмысливается. Не случайно в Библии Вавилон часто служит обозначением царства антихриста - царства перевернутого мира, искажающего как в кривом зеркале Царствие Небесное.

Стройка социализма с ее ударными темпами, с ее гигантоманией, с ее абсолютным обесценением человеческой жизни и, наоборот, сверх-ценностью "строительного материала", (достаточно вспомнить как сажали за "колоски" и за несоблюдение трудовой дисциплины), удивительно перекликается с преданиями о Вавилонской башне.

Партия - это миллионов плечи,
Друг к другу прижатые туго,
Партией стройки в небо взмечем,
Держа и вздымая друг друга.

Здесь та же "рабочая лихорадка", то же превращение общества в гигантский муравейник, а человека в рабочую силу. Главное производительность труда и план. Это сочетается с "протыканием неба" стрелами "воинствующего безбожия" и желанием водрузить на небо своих идолов. Слова из предания о том, что строители башни хотели "взять штурмом небо", о котором говорится в предании, текстуально повторяется в призыве Ленина "штурмовать небо" (33).

Мавзолей как мини-Вавилонская башня является центром коммунистической противобожеской цивилизации, находясь в самом сердце предполагавшегося коммунистического мироздания - на Красной площади столицы. Как и центр первой человеческой цивилизации он должен был быть виден далеко за ее пределами как символ единой огромной империи, охватывающей в перспективе мировой революции все человечество.

Строители Вавилонской башни как и строители коммунизма все содержание жизни сводили к неустанному труду. Это была религия труда, в которой работа на износ, в "ударных", нечеловеческих темпах не просто желательна, но обязательна для всех. "Нетрудовые" элементы подлежали уничтожению. Коммунизм как "новая религия не может вести к пассивности...вся она уходит в действие...Начало умиленного созерцания изгоняется теперь из религии и заменяется началом неустанной деятельности" (34).

Противоположность этой "религии труда" христианской этике труда заключается здесь не только в смещении системы ценностей. Работа сама по себе, какой бы полезной для общества она не была, признается в христианстве благой постольку, поскольку способствует внутреннему совершенствованию человека, развитию его души, не мешает осмыслению жизни и созерцанию как "внутреннему деланию", высшей форме труда, а вовсе не пустому безделью и ничегонеделанию, как это представлялось атеистам. Дело заключается еще и в том, что идея коммунистического завтра, ради которого кипит людской муравейник социалистической стройки, пусть и представлявшаяся прекрасной и высокой, подминала под себя личность, не ценила конкретных людских жизней, использовала человека, выжимая из него все силы, мысли, чувства. Любовь к идее в коммунизме всегда выше любви к реальным людям. И в этом также отражается его смертопоклоннический характер.

У развалин Вавилона

Предание о Вавилонской башне должно напомнить нам, что прогресс цивилизации - процесс двойственный и противоречивый. Здесь вступают в противоборство дух, природа и техника. В этом смысле вся история человеческих цивилизаций, в той мере, в какой они осуществляли прогресс технологический и регресс духовный, является историей создания и следующего за этим неотвратимого разрушения "вавилонских башен". Впрочем, надо иметь ввиду, что, по всей видимости, два вектора цивилизационного развития - технологический, связанный с утилитаристской и потребительской установкой, и духовный, сосуществуют не только в обществе, но и в сердце каждого человека. Подобно тому, как сосуществуют и борются между собой два "модуса бытия" Э.Фромма - модус "иметь" и модус "быть".

Торжество модуса "иметь" ведет к тому, что человек подчиняется все более ускоряющемуся ритму цивилизации. Жизнь рационализируется и механизмуется, все больше превращаясь в "суету сует", когда уже нет времени и сил опомниться, углубиться, осмыслить. Прогресс технологический ведет к регрессу духовному, к обесмысливанию жизни, дегуманизации и одиночеству. Наступает "рассяение" и "смешение" языков, когда люди перестают понимать друг друга. Так, с одной стороны, человечество оказывается все больше объединенным, связанным "планетарным", "глобальным" мышлением и информационными системами, а с другой - люди становятся все более чужими и чуждыми друг другу, а потому одинокими и тоскующими.

В настоящее время мы находимся у развалин "вавилонской башни", созданной коммунизмом. Строительство чего-то нового только начинается. Какой камень будет положен в основание новой российской цивилизации - технологический "кирпич" вавилонского типа, пропитанный раствором утилитаризма и цинизма, раздавливающий человеческую личность? Или камень, который сделался "главою угла" духовного развития человечества с эпохи Нового Завета?

Очевидно, что без переосмысления жизни и переориентации цивилизационного развития мы будем обречены строить "вавилонскую башню", возможно не только последнюю, но и худшую.

- Очевидно и то, что в последнее время все больше обнаруживается тенденция соединить технологическую ориентацию цивилизации "вавилонского" образца с магической ориентацией "египетской цивилизации". От такого симбиоза может получиться "совершенный" муравейник, полностью управляемый, - с одной стороны, и вполне сытый земными хлебами - с другой. Другое дело, что в нем не будет места ни свободе, ни духовному поиску, ни подлинным человеческим, экзистенциальным переживаниям. (Не случайно чувствуется, как быстро в последнее время растет интерес к возможностям манипулирования сознанием людей. В частности с помощью так называемой "соционики", своеобразного сплава психологии с парапсихологией, выдающей себя за "передовую науку", способную все объяснить и все изменить).

Как противостоять всему этому? Ответ ищет каждый сам, стараясь либо раскрыть в себе образ Божий, либо затемнить его. Что, конечно, происходит вне прямой зависимости от религиозных и идейных убеждений.

Постараемся помнить, что только любовь человека "ко всему живущему, ко всякому существу, превышающая любовь к отвлеченной идее, и есть борьба со смертью во имя вечной жизни" (35).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Этой проблеме специально посвящены такие работы Н.А.Бердяева как "Истоки и смысл русского коммунизма", "Смысл истории", "Царство Духа и царство кесаря"; "Опыт эсхатологической метафизики" и С.Н.Булгакова "Религия человекобожия в русской революции", "Героизм и подвижничество", "Христианство и социализм", "Основные проблемы теории прогресса", "Религия человекобожия Л.Фейербаха", "Карл Маркс как религиозный тип", "Апокалиптика и социализм".
2. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря// Судьба России.М., 1990. С.307.
3. Фромм Э.
4. В "Очерках по истории марксизма" А.В.Луначарский отмечал, что "Социализм, эта организованная борьба человечества с природой для полного подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, напряжении сил - новая религия... Новая религия не может вести к пассивности, к которой, в сущности, ведет всякая религия, дающая безусловную гарантию в торжестве добра новая религия вся уходит в действие...Начало умиленного созерцания изгоняется теперь из религии и заменяется началом неустанной деятельности. Мифологическое творчество и метафизика сменились "точной наукой. На месте анимизма стоит теперь научный энергетизм, на месте магизма-современная техника. Вера в магизм рухнула и заменилась верой в труд...Если тоска первобытного человека есть жажда жизни продолжаться, защитить себя от нападений среды, то новая тоска есть жажда господствовать над природой. Вот великая перемена, совершившаяся в религиозном чувствовании человека". См.: Луначарский А.В.. Очерки по истории марксизма.СПб.,1908. С. 157.
5. Там же.
6. Там же.
7. Книга для чтения по марксистско-ленинской философии.М., 1960. С. 17.
8. Там же. С. 18.
9. О диалектическом и историческом материализме. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. М., 1938. С.541.
10. Луначарский А.В. Человек нового мира. О Владимире Ильиче Ленине. М., 1980. С. 148.
11. "Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления". Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.,1947. С.488.
12. См.: Беседа тов.Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом// Диалектический и исторический материализм. С. 467.
13. Булгаков С.Н., Апокалиптика и социализм//Сочинения в двух томах.Т.2,М.,1993. С.425.
14. Луначарский А.В. Ук.соч.. С.61.
15. Там же. С .66.

Уразвалин Вавилона

16. Там же. С.47.
17. Там же. С.80.
18. Гусев В. Сталин в Кремле// Песня о Сталине. Избранные стихи советских поэтов. М., 1950.
19. Стальский С. Светочу мира, любимому Сталину// Там же.
20. Там же.
21. Алымов С. Песня о Сталине//Там же.
22. Михалков С. Сталин// Там же.
23. Исаковский И. Песня о Сталине// Там же.
24. Сурков А. Стихи о Сталине//Там же.
25. Лосский И.О. Бог и мировое зло. М., 1994.
26. См. об этом: Бердяев Н.А. О Царстве Божиим. Письмо четырнадцатое// Философия неравенства.М.,1990. С.262-275.
27. Луначарский А.В. Ук.соч.. С.47.
28. Об этом пишет С.Н. Булгаков в работе "Софиология смерти"// Булгаков С.Н. Тихие Думы.М.,1996. С. 273 и далее.
29. О диалектическом и историческом материализме. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. М., 1938. С.144.
30. Там же. С. 151.
31. Булгаков С.Н. Ук.соч.. С.289.
32. Земля Сеннаарская - древний Шумер, колыбель человеческой цивилизации. Название Вавилона происходит от "Bab - ilu", что значит "врата богов". Сама вавилонская башня находилась либо в самом Вавилоне, где сохранились остатки одного из громадных зиккуратов, либо в Борсиппе, в 15 км. от Вавилона. В Вавилоне башню называли "Этеменанки", что означает "основание неба и земли".
33. Предания о вавилонской башне содержатся на рус.яз. в книге Дж.Фрезера "Фольклор в Ветхом Завете". М.,1985. Подробный текст дан в кн.: Hans Biedermann. Diccionario de simbolos. Barcelona, 1996.
34. Луначарский А.В. Ук.соч.. С. 148.
35. Бердяев Н.А. О назначении человека.М.,1993. С.222.